

ТЕАТР

ВПЕЧАТЛЯЮЩИЙ ОБРАЗ

Сегодня

ОПУБЛИКОВАН УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВ-
НОГО СОВЕТА СССР: ЗА
БОЛЬШИЕ ЗАСЛУГИ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО
ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА АРТИСТКЕ МОС-
КОВСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ ТАТЬЯНЕ ИВАНОВНЕ
ПЕЛЬЦЕР ПРИСВОЕНО ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ НА-
РОДНОЙ АРТИСТКИ СССР.

Ниже мы публикуем рецензию на новый спек-
такль Театра сатиры «Мамаша Кураж и ее дети»,
где главную роль исполняет Татьяна Ивановна
Пельцер.

„ЗАДАЧА автора пьесы не в том, чтобы заставить в конце прозреть мамашу Кураж... Драматургу важно, чтобы слепота героини сделала особенно зоркими самих зрителей. Если вспомнить эту мысль Брехта, высказанную им «в помощь режиссерам», многое в новом спектакле Театра сатиры «Мамаша Кураж и ее дети» станет более оправданным в глазах самых придирчивых зрителей.

Это впечатление еще более усилится, если вспомнить ответ жены Брехта — замечательной актрисы Елены Вайгель на вопрос советского критика о причинах неприятия Брехтом театральной эмоциональности: «Подчеркнутое обращение в театре к очищающему, трезвому и ясному разуму человека было вызвано у Брехта историческими причинами — стремлением противостоять силами искусства тому мутному по-

току неосознанных массовых эмоций и инстинктов, который многие годы провоцировал и эксплуатировал в своих целях фашизм».

Лучшего эпитафия к новому спектаклю Театра сатиры, поставленному режиссером М. Захаровым, и не придумаешь.

Режиссер точно идет за автором, всем строем спектакля стремясь воздействовать на разум зрителей. И им, воспитанным на щедрой эмоциональности нашего театра, поначалу явно чего-то не хватает в этом умном, кажущемся холодноватым спектакле. Зрительская впечатлительность и всегдашняя готовность к горячему сопереживанию будто намеренно гасятся режиссером и актерами. Но, странное дело, жизнь спектакля, активная, действенная, продолжается и после закрытия занавеса. Театр не принес на сцену готового вывода, он лишь разбудил мысль,

заставив публику задуматься над судьбой героини и над теми уроками, которые она должна была бы извлечь из своей драмы.

Актриса необычайно го обаяния, Т. Пельцер, каждый лучик улыбки которой, каждая задиристая интонация всегда — своя, родная для зрителей, на этот раз раскрывается с новой стороны. Исполнительница главной роли, она не позволяет ни себе, ни зрителям полюбить свою героиню и начать безмерно сочувствовать ее страданиям. Она как бы остерегается увлечь зал переживанием, которое может увести от главного: необходимости поразмыслить над жизненной позицией мамы Кураж — немудреной, но так пространной еще сегодня среди некоторой категории людей и выражающейся в жизненной «мудрости» типа «моя хата с краю...».

В исполнении Т. Пельцер история мамы Кураж выглядит не как семейная драма, а как трагедия социальная.

Мамаша Кураж Брехта — Захарова — Пельцер необходима войне, равно как и война жизненно необходима ей. Война приносит ей прибыль, увеличивает ее скудные доходы

маркитантки. Но война же постепенно убавляет и ее семейство. Обогащение среди людского горя и гибели близких... Когда к финалу мамаша Кураж — Пельцер остается одна со своим выдавшим виды фургоном, зрители Театра сатиры становятся свидетелями не только ее трагедии, но и видят истоки, корни, породившие эту трагедию. И судят старую маркитантку за ее слепоту.

Рядом с Т. Пельцер — второй мелкий хищник, безжалостный, наглый Повар (С. Мишулин), так и норовящий урвать от войны кусок пожирнее; тугой и жестокий сын мамы Кураж Эйлиф (А. Левинский), сбегавший на войну и погибший от ее жестоких заповедей. Их много в спектакле, маленьких людей, которые в погоне за личным благополучием так или иначе содействуют жестоким событиям войны и не понимают, что она то и есть для них главное зло.

Интересно изобразительное решение спектакля (художник А. Васильев), идущего в одной декорации. Ни вращающегося круга, ни движущегося фургона, так знакомых по другим спектаклям. Фургон все время стоит

на месте — жалкая повозка, стоившая жизни второму сыну мамы Кураж, фургон-кормилец, фургон-символ, фургон — оплот наживы и накопительства за счет войны — недвижимый и несдвигаемый, как сама психология мамы Кураж, не желающей понять истинную причину своих бед.

...Спектакль подходит к концу. Укачивает убитую дочь мамы Кураж. «Вот и уснула...», — говорит она. «Не видишь разве: не спит она — преставилась», — объясняет ей истину крестыня. Кажется, вот-вот наступит прозрение, кончится терпение у старой маркитантки и проклянет она жизнь свою, отданную войне. И зал готов зарыдать, взорваться вместе с актрисой...

Но нет, Кураж — Пельцер собирает последние силы вовсе не для взрыва протеста. У нее остался фургон, она снова начнет налаживать торговлю. И пустые глаза, и механические движения женщины снова обретают осмысленность. Кураж достает хлеб и тут же, у трупа дочери, начинает есть... Ее жизнь, неотъемлемая от войны, потекла дальше.

Так по-бреховски решает театр одну из лучших пьес немецкого драматурга, как бы еще раз предостерегая человечество от пассивности и равнодушия, особенно опасных, когда дело касается вопросов войны и мира.

Д. АБРАМОВА.